

АРСЕНИЙ РОМАНЕНКО*

ПОНЯТИЕ «НАРОД» У СЛАВЯНОФИЛОВ (1840–1880-Е ГГ.)**

Получено: 14.10.2024. Рецензировано: 20.05.2025. Принято: 07.06.2025.

Аннотация: В статье представлен опыт анализа славянофильского понимания «народа» — одной из ключевых тем учения славянофилов и одного из важнейших понятий их политической доктрины. Славянофильство нами рассматривается в «узком» смысле слова, как идейное объединение А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, К. С. и И. С. Аксаковых, А. И. Кошелева и других, сформировавшееся в начале 1840-х гг.; анализ нами доводится до начала 1880-х гг., конца общественной деятельности И. С. Аксакова и А. И. Кошелева. В статье демонстрируются основные дискурсы славянофилов о народе и народности и разные способы «воображения» народа славянофилами в их развитии: использование славянофилами политического языка погодинской интерпретации «официальной народности», романтического национализма, этнографического и визуального образа народа, трансформация и преломление этих языков в зависимости от аудитории и цели высказывания. Особое внимание уделяется единичным эпизодам дифференциации славянофилами «народа/народности» и «нации» и их обращения к концепции «народного суверенитета», в первую очередь — в контексте расхождения двух славянофильских проектов политического представительства — расхождения, происшедшего из разного понимания «народа» и его политического пространства.

Ключевые слова: история понятий, славянофильство, народ, народность, национализм.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-71-95.

14 мая 1847 г. западник В. П. Боткин в письме к П. В. Анненкову писал: «Славянофилы выговорили одно-единственное слово: народность, национальность. И в этом их великая заслуга» (цит. по: Дудзинская, 1983: 37). При чтении этих слов вспоминается высказывание П. Я. Чадаева о Петре Первом:

*Романенко Арсений Александрович, студент бакалавриата, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), russianarsencium@yandex.ru, ORCID: 0009-0002-2273-9781.

**© Романенко, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: Автор благодарит К. А. Соловьева, своего учителя, и А. А. Теслю, модератора секции «Понятия и образы „свободы“ в русской интеллектуальной традиции XVII–XX веков» конференции «Политический язык и языки политических теорий» (2024, НИУ ВШЭ, Москва), за неоценимые замечания, комментарии и помощь в подготовке статьи.

Петр Великий нашел у себя дома только лист белой бумаги и своей сильной рукой написал на нем слова Европа и Запад; и с тех пор мы принадлежим к Европе и Западу (Чаадаев, 1991: 527).

Становится понятно, *что* именно привлекало и интересовало современников в славянофильском учении. Напрашивается мысль о том, что славянофилы являлись (в той или иной степени) «зачинателями» модерной традиции русского национализма — но только если не учитывать саму оппозиционность славянофилов к политическому модерну¹. Славянофилы сторонились политики и политического действия — и основой подобной стратегии был сам славянофильский опыт «политики» и взаимодействия со властью. Порой это становилось поводом для иронии в кружке, подчас весьма едкой. Летом 1854 г. А. С. Хомяков писал К. С. Аксакову:

Мы не можем иначе воевать, как с помощью народной войны, то есть подняв народы в Австрии, а мы лучше согласимся половину своих отдать, чем изменить доброму принципу. При таких правилах нужен мир, грамматические занятия, равнодушие к политике и согласие с Д. Н. Свербеевым (Хомяковский сборник, 1998: 69).

При этом подобная дистанция имела определенные границы: в конце концов, саму стратегию «деполитизации» можно воспринимать и как политическую стратегию — можно вспомнить случай П. А. Кулиша, который воспринял подобную стратегию от славянофилов, перенеся один из пунктов славянофильской исторической схемы, идею о «неполитичности» народа (см. Тесля, 2016). Тем самым становится особенно интересным рассмотрение истории славянофильства через призму социологии национализма — вопроса о том, каким образом сформировался славянофильский, аполитичный вариант «воображаемой общности»²,

¹ Нам кажется важным напомнить читателю о противопоставлении А. Валицким славянофилов и западников как двух категорий социологии Тённиса, *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* — «автономной» и «цельной» личности, «рационализма» и «веры», личности и общности как субъектов свободы, разного отношения к капитализму и т. д. (Валицкий, Духенко, 2019: 511–519).

² В нашей работе мы ориентируемся на конструктивистское понимание национализма, сформированное Б. Андерсоном (Андерсон, Николаев, 2016), Э. Хобсбаумом (Хобсбаум, Васильев, 1998) и Э. Геллнером (Геллнер, Крупник, 1991), — понимание нации как продукта социального воображения, конструирования. Подобное конструирование производится в большей степени государственными институтами и в меньшей — публичными интеллектуалами, писателями, деятелями культуры, как сознательно — путем действия националистических идеологов, так и неосознанно — как оно проводится, например, ан-

особенно важный, поскольку к славянофильским тропам в спорах о «народе», «нации» и «национализме» русская мысль в дальнейшем возвращалась неоднократно (Бадалян, 2006; Миллер, 2010: 81–113). В нашем исследовании мы сконцентрируемся на славянофильской категории «народа», обращаясь при необходимости к взаимодействию этого понятия с категориями «народности», «национальности» и «нации».

В первой половине 1840-х гг. среди славянофилов проблема народности наиболее занимала «младших» членов кружка, К. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина. Их сближение приходится на 1841–1842 гг., время работы над диссертациями (Нольде, 2003: 18–20, 26)³. К. С. Аксаков в это время все еще находится под сильным влиянием гегельянства, своего рода «наследства» его членства в кружке Станкевича, гегельянством же он захватывает и Самарина. Саму диссертацию Аксаков задумал, по-видимому, за семь лет до ее защиты: в первом же из дошедших до нас его публицистических сочинений — «О некоторых современных собственно литературных вопросах» (К. С. Аксаков, 1995: 43–73) — проскальзывает его будущая «триадическая» схема развития русской истории и впервые поднимается проблема народа.

Аксаков пытается синтезировать шеллингианскую идею цельности творчества и гегелевскую — диалектики общего, особенного и единичного: начиная с рефрена Белинского о плачевном состоянии современной ему русской литературы, он объясняет его идущей трансформацией, переходом в ступень «общей истины», преодолением ступеней «националь-

дерсоновскими агентами «печатного капитализма» (Андерсон, Николаев, 2016: 90–106). Славянофилов в таком случае можно рассматривать как публичных интеллектуалов — формулирующих один из возможных проектов построения такой общности, «воображающих» ее.

³Следует отметить, что взаимоотношения К. С. Аксакова и Самарина на раннем этапе не избегали характерных «негативных» черт «философической дружбы» — феномена 1840-х гг.: дружбы, основанной на идейной близости и зависящей в первую очередь от нее. Так, в письме от 1844 г. к брату Ивану о завершении своей диссертации К. С. Аксаков пишет о том, что с Самариным они «решительно разошлись» после долгой и обстоятельной беседы (К. С. Аксаков, 1839–1847: Л. 260б). Повод для ссоры установить достаточно сложно — во многом из-за до сих пор не совсем ясных датировок других его писем к Ивану Сергеевичу; возможно, если учитывать весьма сложные и нелегкие отношения Константина с русской национальной одеждой, поводом было письмо Самарина 1844 г. из Петербурга, где, говоря о слабости «московского направления», тот назвал его представителей «людьми, носящими мурмолки» (Самарин, 2016: 257). Вне зависимости от датировок, показателен сам факт.

ного» и «космополитизма». Главный вопрос для Аксакова в данный момент — о соотношении этих ступеней с «народом» и «национальностью»:

Первое сознание народа, сознание в сфере искусства, именно в поэзии, встречаем мы в народных песнях. Но это сознание еще чисто национальное* [...].

*Слово «нация» мы различаем от слова «народ», понимая народ как нечто движущееся и образующееся, а нацию как одну из форм его образования [...]
(К. С. Аксаков, 1995: 55).

Для человека же национальным является, напротив, ступень особенности:

Человек, понятие общее, чтобы перейти в действительное явление, должен был отречь себя как общее до *особенности*; это определение по особенности в его наиболее развитой форме есть нация, форма, под которую все должно подойти и в период которой всякий индивидуум известного народа имеет значение во столько, во сколько он *национален* (там же: 63).

Аксаков суммарно уделяет три примечания демаркации «народа» и «нации», по-видимому, чувствуя зыбкость своей позиции: показательного, что в дальнейшем демаркация «народа» и «нации» у славянофилов почти не встречается. Через несколько лет данная историческая схема достигнет четкости и ясности, что проявится в написанном под сильнейшим аксаковским влиянием письме Самарина Франсуа Могену (Самарин, 1911: 60–69; русский перевод Д. Ф. Самарина: Самарин, 2013: 49–58), французскому депутату, посетившему в 1840 г. Россию, чтобы подготовить почву для заключения русско-французского союза (Таньшина, 2017: 103). Русская история делится Самариным (а фактически, и Аксаковым)⁴ на три этапа: период «исключительной национальности»⁵, то есть допетровскую Россию, петровский период «космополитизма» и некий современный этап, этап «сознания народности», гегельянского синтеза (Самарин, 2013: 52). Народ в данной схеме мыслится как единое целое, напрямую связанное с царем:

⁴Ср., например: «Мы были национальны до Петра Великого, потому что вне своего отечества не знали ничего и потому что отношения наши к соседям были всегда враждебны» (Самарин, 2013: 49) и диссертацию К. С. Аксакова: «До Петра Великого мы были неразрывно соединены с отечеством, любили его; но любовь наша не была свободна, она была односторонняя; в ней был страх чужеземного» (Аксаков и Аксаков, 2010: 117).

⁵«Народность», «народ» и «национальность» в русском тексте — только переводческое решение Д. Ф. Самарина: в оригинале используются только «nation» и «nationalité».

Итак, у нас не было ни завоевания, ни феодализма, ни аристократии (в смысле самостоятельного начала), и не было договора между Царем и народом⁶. Неограниченная власть, единая и народная, действующая во имя всех [...] она — священное наследство нашей истории, и мы не хотим другой формы, ибо всякая другая была бы тираниею (Самарин, 2013: 56).

Тем самым Самарин соединяет воспринятую от Аксакова гегельянскую интерпретацию русской истории с интерпретацией Погодина, основанной на характеристике призвания варягов как ненасильственного явления. Кажется важным, что гегельянская компонента в интерпретации «народа» просуществует недолго: в первую очередь потому, что подобная схема сближала славянофилов с западниками (Валицкий, Душенко, 2019: 342–353). Аксаков, можно сказать, отрекся от своей диссертации уже через семь месяцев после ее защиты — философский набросок русской истории оказался до буквы созвучен уже с размышлениями Кавелина, ставшими поводом для полемики последнего с Самариным на страницах «Москвитянина» и «Современника» в 1847 г.

Именно в этот период — в середине 1840-х гг., во время «размежевания» западников и славянофилов, ими выдвигается другой важный момент — представление о народе именно как о простом народе, отчужденном от «просвещенного общества». Поводом стал вопрос о народном просвещении: в 1845 г. В. Ф. Одоевский приглашает А. С. Хомякова к составлению сборников «Сельского чтения», предназначавшихся для крестьян, на что Хомяков отвечает статьей в «Москвитянине», где фактически упрекает Одоевского в «колониальном» по своему характеру просвещении простонародья (Хомяков, 1900: 24). Колониальным оно становится от «незнания» народа, вследствие петровского разрыва сословий:

Русского, что бы он ни делал, как бы ни прикидывался иностранцем, узнают всегда. Как? по выдавшимся слегка скулам, по неопределенной форме носа, по рисунку и цвету глаз? Это признаки породы, а не народа [...] Принадлежать к народу — значит с полною и разумною волею сознать и любить нравственный и духовный закон, проявлявшийся (хотя, разумеется, не сполна) в его историческом развитии. Неуважение к этому закону унижает неизбежно народ в глазах других народов. Нам случается впадать в эту крайность; но в то же время ошибка наша простительна: это не грех злой воли, а грех неведения. Мы России не знаем (там же: 9).

⁶В оригинале — «point de contrat social entre le tzar et la nation» (Самарин, 1911: 68).

В ходе чуть более позднего личного объяснения между Хомяковым и Одоевским первый отдельно подчеркивает этот тезис:

Под русским народом надобно понимать простой народ, но не так называемое просвещенное общество, ибо оно образовалось по западному направлению и, как все извне образованное, мертво, не имеет жизни и соединение его равно соединению зерен песка (Хомяковский сборник, 1998: 49).

Сам спор Одоевского и Хомякова являлся спором об универсальности и партикулярности истины, и народ в данном случае для Хомякова был именно носителем подобной конкретной истины — имеющей самостоятельное право на существование.

В это же время, на рубеже 1840–1850-х гг.⁷, К. С. Аксаков переформулирует свою историческую схему из диссертации, отказавшись от гегельянства: сформированная им в тот момент концепция известна в историографии под именем «теории земли и государства». Суть схемы — в дихотомии внешнего и внутреннего, «государства» и «земли», где под землей подразумевается народ совокупно с его имманентными характеристиками, «живая человеческая наружность народа» (Аксаков и Аксаков, 2010: 191). Главным предметом такой наружности, по Аксакову, помимо православной веры, является община: и как конкретный социальный институт, и как принцип, начало — начало «единогласия», противопоставленного началу «большинства». В «Кратком очерке Земских соборов» (черновой заметке 1859 г.) он в свойственном ему стиле абсолютизирует и этот принцип, доводя его до крайности:

Лютичи прибегали к насильственным мерам, чтобы вынудить согласие немногих, и все это единственно для того, чтобы не признать права большинства как закон (там же: 306).

Формой взаимодействия «государства и земли», народа и царя, является Земский собор: в обосновании важности подобного института Аксаков доходит до оправдания фигуры Ивана Грозного — тезиса, недопустимого для славянофилов ранее (см., например: Тесля, 2024: 54–56):

Первый царь созывает первый Земский Собор. На этом Соборе встречаются земля и государство и между ними утверждается свободный союз. Отношения

⁷В первую очередь, это письмо К. С. Аксакова Николаю I (по-видимому, все-таки не дошедшее до адресата) от марта 1848 г. (Дмитриев, 2022), статья «Голос из Москвы», написанная параллельно с этим письмом (Аксаков и Аксаков, 2010: 184–189) и два черновых материала для «сборника Калачова», отнесенные при публикации И. С. Аксаковым к 1849 и 1850 гг. (там же: 196–200, 201–208).

царя и народа определяются: правительству — сила власти, земле — сила мнения. На Земском Соборе торжественно признаются эти две силы, согласно движущие Россию: власть государственная и мысль народная. [...] Древние областные веча, не всегда остававшиеся в пределах одного мнения, но применявшие нередко употребление грубой внешней силы, преобразились при единодержавии в Земский Собор всей России (К. С. Аксаков, 1889: 147).

При этом важнейшим в аксаковской схеме было взаимное невмешательство внешнего и внутреннего, «государства» и «земли», невмешательство, необходимо исходящее из аполитичности «земли». Нарушение этого принципа, произведенное Петром, является причиной современных Аксакову бедствий России. Выходом же является чеканная и весьма часто цитируемая формула из записки К. С. Аксакова, поданной Александру II в 1855 г.:

Правительству (необходимо монархическому) — неограниченная власть государственная, политическая; народу — полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (Аксаков и Аксаков, 2010: 253).

Записка являлась следствием определенных движений в обществе, начавшихся еще в прошлое царствование, в 1854 г., с четырех «Историко-политических писем» М. П. Погодина, активно распространявшихся в списках и дошедших в итоге до императорского двора⁸. Чуть раньше Аксакова записку ко двору отправил А. И. Кошелев. Используя иные аргументы — финансовые, необходимость сбора экстраординарного налога для продолжения войны (А. И. Кошелев, 2010: 61), — он высказывает ту же мысль, что и Аксаков: ситуация требует созыва Земского собора как особой формы представительства народа перед царем:

Одни слова не в состоянии произвести такого великого дела; нужно для того личное, изустное общение между правительством и народом. Пусть царь созовет в Москву как настоящий центр России выборных от всей земли русской; пусть он прикажет изложить действительные нужды Отечества — и мы все готовы пожертвовать собою и всем своим достоинством для спасения Отечества (там же: 60).

Земский собор в таком случае является своего рода формой легитимации царя и монархии, точнее — необходимым условием их взаимного и плодотворного существования: в работах Самарина того же периода

⁸Краткий обзор полемической и общественной ситуации был сделан В. А. Кошелевым (В. А. Кошелев, 1994).

можно заметить обоснование монархии именно через принцип ее народности. В черновой записке «На чем основывается и чем определяется верховная власть в России» (1853–1856) Самарин критикует политический универсализм, указывая на то, что в российских реалиях он неприменим: никто из российских государей в постпетровский период не взошел на престол исключительно по законным обстоятельствам (Самарин, 2013: 159–166). Самарин риторически возвращается к триаде, заметно меняя акценты: если в построениях Уварова «народность» определялась через православие и самодержавие, то теперь таким элементом становится уже легитимизируемое народом «самодержавие» — признаваемое народом через «православие» и «русскость» монарха. Самарин протестует и против «государственного начала» и начала «формальной законности», которые в уваровских текстах нередко сопоставлялись с началом «народным»⁹.

Не обаяние отвлеченной власти, иначе силы, и не формальная законность связывает в России подданных с государем. Русский народ видит и любит в своем государе православного и русского человека от головы до ног. В основании любви подданных к государю лежит вера и народность; такой широкой и твердой основы не имеет ни одно правительство, и вот почему у нас оно так сильно (там же: 168).

Тем самым Самарин косвенно приходит к идее «натурализации монархии» (Андерсон, Николаев, 2016: 159–161): отразится это и в готовившихся в это же время как Самариным, так и другими славянофилами дворянскими адресами по случаю воцарения Александра II. Атрибутируемый Самарину¹⁰, адрес прямо меняет язык взаимодействия народа и царя, превращая его уже во взаимодействие двух субъектов. Особенно показательно самаринское исправление:

⁹См., например, его известный рескрипт мая 1847 г.: «Но этому славянству русскому, нами во всей чистоте принимаемому, должна быть чужда всякая примесь политических идей; тогда остальным началом, в нем сокровенном, будет наше государственное начало, на котором непоколебимо стоят трон и алтарь, собственно русское начало, русский дух, наша святость» (Уваров, 2014: 346).

¹⁰По-видимому, черновик этого адреса московского дворянства, подготовленного А. С. Хомяковым, и его же личного письма, переданного императрице через Самарина и фрейлин А. Д. Блудову и А. Ф. Тютчеву (Аксакова, 2013: 146, 414–415). Более вероятной кажется связь этого документа с хомяковским адресом: об этом свидетельствуют и указания на «московское дворянство» как на автора документа, и указания из самого дневника Веры Аксаковой — хомяковское вступление «Мужайся, русский Царь...» (там же: 146) переместилось в середину, превратившись в «мужайся Царь России!» (Самарин, 1855: Л. 1).

...Мы твердо, несомненно верим, что Господь не оставит своей милостью сердечного союза Царя с его подданными. Московское дворянство, так же как и [вся Россия], весь Русский народ готовы принести тебе на служение все свои силы...¹¹

В некотором смысле начало «субъектных отношений» отразилось и на кружке: Кошелев начинает издавать «Русскую беседу» — первую исключительно славянофильскую площадку для высказываний. Воскресают старые дискуссии: уведомление об издании нового журнала, о «народности», эссенциальных свойствах народа как почве для его развития («Русская беседа», 2011: 255) возвращает к жизни спор о «народности в науке», отголосок «обмена мнениями» Самарина и Кавелина в 1847 г. Учитывая проработку этого спора в историографии (см., например: Дудзинская, 1983: 37–45), напомним лишь ключевые позиции сторон. В самой дискуссии проявились те черты, которые Анджей Валицкий описал через призму «двух утопий» (Валицкий, Душенко, 2019: 511–525), — и в нашем случае западническому универсализму мышления противостоял славянофильский партикуляризм, при этом, что важно, переходящий в христианское понимание универсализма. К. С. Аксаков в неопубликованной работе «О воспитании» (по-видимому, относящейся к периоду этого спора) возвращается к попыткам определить и отделить друг от друга «народное» и «национальное»:

Русской же народный дух и сам по себе не имеет в себе исключительности, другими словами национальности; главная же причина тому есть основа всей жизни Русской — Вера, которая переходит пределы национальности. Следовательно, уже и сам по себе, и без знакомства с остальным человечеством, знакомства, нужду которого мы вполне признаем, Русский народный дух вполне полон общечеловеческого. Вот важное замечание: у нас национальности нет, у нас есть народность и в этом наше преимущество¹².

Наконец, новое царствование открыло для славянофилов окно возможностей и в сфере государственной деятельности: Самарин, Черкасский и Кошелев активно участвуют в деятельности губернских комитетов и редакционных комиссий по крестьянскому вопросу. И наиболее важным в этой деятельности является юридическое оформление «принципа единогласия» — законодательное определение крестьянской поземельной общины, ее полномочий и функций. В 1859 г. К. С. Аксаков

¹¹Самарин, 1855: Л. 1.

¹²К. С. Аксаков, 1850–1860: Л. 9.

получает от Самарина один из докладов административного отделения Редакционных комиссий, посвященного как раз сельскому обществу, и пишет ему в ответ разгромное письмо:

И добро бы это были все Петербурцы, или Западники; а то тут — вы. К чему же было все дело наше, все изучение Русских начал, быта Древней Руси, крестьянского устройства? Неужели плод всего этого — пустых фраз о самоуправлении общественном, о возможно большем устранении влияния администрации на мирские дела... — Вы подняли руку на народ: злое дело, худое дело! Вы посягнули на душу народа: это уже настоящее душегубство. Остается утешаться тем, что не всегда же Русская история будет сочиняться в Петербурге и что вам, господа, совершить душегубства над Русским народом — на деле не удастся (К. С. Аксаков, 1861: 15–16).

Подобное неприятие К. С. Аксаковым попытки юридического оформления народности — облечения во многом аксаковских же идей в строгую форму закона — есть один из первых знаков идейной переориентации славянофильства, начавшейся в 1860-е гг. (Цимбаев, 2007: 232); сам обзор доклада был опубликован посмертно. За четыре года, с 1856 по 1860 г., умирают братья Киреевские, Хомяков, «отец аксаковского семейства» — С. Т. Аксаков, и наконец — сам Константин. В кружке выдвигаются люди практического склада — Черкасский и Иван Аксаков, юристы по образованию, Самарин, изначально имевший репутацию своего рода «западника из славянофилов», и, наконец, предприниматель Кошелев. В результате этого в процессе подобного переворота соратники начинают говорить на разных и порой взаимно непонятных политических языках. По сути, деятельность Самарина в Редакционных комиссиях означала, что он понимает принцип «общины» как конструктивистский — что для К. С. Аксакова было совершенно неприемлемо.

НАРОДНОСТЬ И ОДЕЖДА

Вопрос о национальной одежде нам кажется необходимым отступлением, показывающим яркую полифонию славянофильских политических языков. Обращение славянофилов к теме одежды во многом являлось следствием поисков иных способов политического действия или просто высказывания — например, визуального, — которое при этом порождало проблемы другого свойства: проблему разной интерпретации одного и того же знака властью и обществом.

Впервые вопрос о «народной одежде» поднимается славянофилами в 1843 г.: К. С. Аксаков отпускает бороду (дав обещание не сбривать ее до

защиты своей диссертации) и осенью появляется в московских салонах в «национальном платье» — в красной косоворотке, мурмолке и сапогах (Аксаков и Аксаков, 2010: 13). Восприятие этого жеста в обществе было различным — от известного анекдота о «персиянине», приписываемого Чаадаеву (Герцен, 1956: 148), до поиска в народной одежде некоего знака, схожего со знаками итальянских карбонариев (Цимбаев, 2007: 278). В 1847 г. в статье «О современном литературном споре» (предназначавшейся, по-видимому, для одного из «Московских сборников», но так и не вышедшей по цензурным причинам) К. С. Аксаков дает обоснование этому действию, отдавая некоторую дань своему гегельянству времен работы над диссертацией: народная одежда является знаком «слияния» с гегелевским *Volksgeist* через его внешние проявления.

На одежде человека веет дух времени и дух народа. Это понял Петр, — одежда наша стала сосудом исторической мысли. Эта мысль горит на ней и теперь; одежда составляет видимую границу между нами и народом. И поэтому с возвращением к народу необходимо, по-моему, и возвращение к одежде (Аксаков и Аксаков, 2010: 182).

Период ношения «народной одежды» закончился в 1849 г. вместе с циркуляром министра внутренних дел Л. А. Перовского и персональными расписками, взятыми с К. С. Аксакова и его отца (там же: 14): отголоском славянофильского процесса 1847 г., связанного с арестом Ф. И. Чижова, и инцидента с самаринскими «Письмами из Риги» 1849 г. «Больной» вопрос одежды Аксаков поднимает даже в дополнении к своей записке, адресованной императору (там же: 258): в это же время двор «в мурмолке» посещает Хомяков, решая вопросы по изданию «Русской беседы». Результат оказывается совершенно обратным ожидаемому: в марте 1856 г., перед коронацией, Александр II прибыл в Москву, а 10 апреля Хомяков был приглашен полицмейстером Замятниным в участок с просьбой сбрить бороду и не появляться в общественных местах в русском платье — со ссылкой на высочайшее повеление (Мазур, 1993: 132, 134). Точного инициатора инцидента определить сложно — несмотря на осведомленность двора о «бороде», известной неприязнью к славянофилам отличался и московский генерал-губернатор А. А. Закревский¹³.

С этим эпизодом связано «Письмо о запрещении носить бороду и русское платье» — документ, предназначенный для распространения среди

¹³См., например, публикацию материалов по полицейскому надзору над славянофилами (Шпагин, 2004).

московского общества. В письме характерно выражены две аргументационные линии — одну из которых, более радикальную, Н. Н. Мазур приписывает К. С. Аксакову и Хомякову, а другую — Кошелеву:

Нет! Посягательства на русскую народность — презрение, выказанное бороде при русском платье, есть или клевета на Царя, или клевета на верноподданных перед Царем. Русский царь не мог запретить русским быть и казаться русскими (Мазур, 1993: 138).

Но к чему покидать общеевропейское платье и одеваться по-русски? Допустим, что это не нужно, даже смешно, но, во всяком случае, оно не преступно, не противозаконно, даже не злонамеренно, следовательно, вмешательство Правительства в такое дело было бесполезно (там же: 137).

Тем самым, если К. С. Аксаков и Хомяков прямо отождествляли народность и национальный костюм, приходя к прямому патетическому выражению «носить русское/народное платье» — «быть русским», апеллируя к монархическому элементу народности (в самаринском понимании), то Кошелев аргументацию выстраивал с либеральной стороны, апеллируя к простой законности. Налицо использование славянофилами разных политических языков, согласно ситуации и аудитории. В 1855 или 1856 г.¹⁴ Ю. Ф. Самарин пишет для герценовских «Голосов из России» статью «Два слова об одежде» — яркий образец использования славянофилами дискурса романтического национализма:

Если бы нам суждено было увидеть подобную минуту, если бы русский народ способен был научиться свирепствовать у венской и парижской черни, как научились вы подозревать его и дрожать у тамошних банкиров, как бы горько вы стали жалеть о брошенном русском платье и об утраченной бороде!.. (Самарин, 2013: 174)

Когда Самарин утверждает, что «правительство, запрещая менять немецкое платье на русское, говорит ясно: [...] я не хочу, чтоб русский жил и мыслил по-русски» (там же: 171), он играет с аргументацией: то вновь отстаивает аполитичность русского народа, то намекает на обратное, отмечая «народное сочувствие» к «одежде стрелков» (там же: 174, 176).

¹⁴Как нам кажется, датировка А. Н. Николокиной «второй половиной 1855 г.» (Самарин, 2013: 494) требует небольшого комментария — как минимум, отдельно выделенный в тексте фрагмент, упоминающий о «вытребовании в полицию X-ва», не мог быть написан ранее 10 апреля 1856 г.

К этому способу репрезентации своих взглядов славянофилы неоднократно обращались в дальнейшем: сохранилось заметное число изображений славянофилов с бородами и в «национальном костюме», включая и весьма экстравагантные решения¹⁵. Значимость данного сюжета заключается в трансформации логики «визуальной типизации» империи. Чаадаевский анекдот о «персиянине» показывает, что обращение к этническим элементам могло прочитываться не только как знак демократизма или «вскрытие» сословной иерархии, но и как и вскрытие «имперской» иерархии вообще. Визуальный образ «иностранца» в национальном костюме, противопоставляемый дворянству как агенту «власти», «цивилизации»¹⁶, трансформируется вместе со славянофилами и их участием в процессе «коренизации» династии.

«НЕПОЛИТИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ» И ГРАНИЦЫ ВООБРАЖАЕМОЙ ОБЩНОСТИ

В 1861 г. Иван Аксаков начинает издание газеты «День». Напомним, что в этот момент он уже воспринимает себя как «душеприказчика» славянофильства — в 1856 г. уходят братья Киреевские, в 1859-м — Сергей Аксаков, в 1860-м — Константин Аксаков и Алексей Хомяков. Подобное самоощущение во многом повлияло и на деятельность в новом издании: вместе с изменением окружающей обстановки Иван ставит перед собой задачу сохранения и одновременно переработки славянофильского наследия, — для чего обращается к теориям своего брата Константина, на основе которых и родился цикл статей «О взаимном обращении народа, общества и государства».

Сам цикл разобран в литературе достаточно подробно: в дихотомию государства и народа, «земли», И. С. Аксаков вводит третий элемент — «общество». Общество и народ соотносятся подобно творчеству «бессознательному» и «сознательному», фольклору и творениям национальных писателей, поэтов, художников, воплощающих при этом

¹⁵Например, образ Кошелева, сочетающий косоворотку и халат европейского кроя: фотография была сделана в салоне Бергнера в начале 1860-х гг. («Русская беседа», 2011: илл. 6, 1-я паг.), и сегодня весьма широко представлена в сети.

¹⁶Приписывание этого анекдота Чаадаеву во многом объясняет сам характер подобного сравнения: как показал Уортман, смена визуального кодирования коронации происходит только начиная с коронации Николая I; в александровской коронации, напротив, использовалась почти исключительно универсалистско-европейская символика (Уортман, 2004: 414). Нетрудно предположить, что для Чаадаева, человека во многом «александровской» эпохи, подобный визуальный код мог быть непонятен.

«народные начала» (Тесля, 2015: 297–300). Отметим лишь два момента. При описании «общества» Аксаков действует в националистической логике — будто бы вторя Бенедикту Андерсону, он объявляет точкой рождения общества «изобретение Гутенберга» (Аксаков и Аксаков, 2010: 394; Андерсон, Николаев, 2016: 90–105) или, например, выдвигает тезис о необходимости политического единства для появления общества, что перекликается с интерпретацией национализма Эрнстом Геллнером как принципа «совпадения этнических и политических границ» (Геллнер, Крупник, 1991: 23–24):

...общество, разумеется, существует только там, где есть цельное народное тело, цельный организм с соответствующим ему цельным органическим покровом, то есть внешней, государственной формой. Встречая общество во Франции и Англии, мы его не видим в Германии; то есть оно существует, как германское, но лишено живой, реальной действительности, потому что германского цельного народа не существует (Аксаков и Аксаков, 2010: 389).

Разумеется, Иван вторит своему брату, подчеркивая принципиально неполитический характер «общества», — при этом, правда, серьезно сужая само пространство политического. По иронии судьбы, в следующих статьях цикла — пятой и шестой — Аксаков встретился с цензурными преградами. Пятой статье для выхода в печать потребовалась высочайшая цензура — дозволение самого государя, шестой же статье не помогла и она¹⁷.

А. А. Тесля интерпретирует данную концепцию как некий вариант «аполитичного либерализма», но, как нам кажется, точно так же — держа в уме взаимосвязь «либерализма» и «национализма» в середине XIX в. — ее можно назвать и концепцией «аполитичного национализма». Третий элемент схемы Ивана Аксакова перекликается с национальной интеллигенцией в известной гроховской трехчастной схеме (Хрох, Переяславцева и Гнедовской, 2002), при этом, что важно, Аксаков запирает национальное движение в стадию А, стадию «антикваров», интересующихся народной культурой, языком и обычаями, закрывая даже потенциальную дорогу на стадию В: стадию обретения потенциальной нацией политической автономии и обретения ее участниками субъектных гражданских прав.

В то же время славянофилы впервые серьезно обратились и к проблематике западных окраин: до начала эпохи Великих реформ вопрос

¹⁷Подробнее о цензурной истории статей см.: Бадалян, 2011.

Польша и «западных губерний» практически не отражался в славянофильской публицистике. Единственным заметным исключением является работа И. С. Аксакова по описанию украинских ярмарок (1853–1854), выполненная по заданию Русского географического общества: введение к ней было опубликовано во втором номере «Русской беседы» за 1858 г. В тексте почти не затрагивается вопрос о Польше («высокомерные притязания католической Польши» (И. С. Аксаков, 2002: 44) упоминаются всего несколько раз), и региональная специфика описывается через категориальный аппарат брата Константина — петровское нарушение гармоничного сосуществования «государства» и «земли»:

Вторжение российско-немецкого правительственного элемента и великорусской народной порчи, укрепление крестьян, учреждение дворянства, в смысле Екатерининской грамоты, — все эти явления вполне объясняют нам и недоумение малороссиянина, и невольное беспокойство его воспоминаний, и тогдашнюю неприязнь к москалю, ныне уже не существующую (там же: 47).

Причина этому известна: противостояние русского — или, точнее, русских национальных проектов и национального проекта польского, чьи притязания взаимно исключали друг друга, выходит на передний план лишь на рубеже 1850–1860-х гг. (Тесля, 2021). А. А. Тесля выделяет в 1860-е гг. существование трех «русских национальных проектов» — «бюрократического» (валуевского), славянофильского и катковского. Сущность программы Каткова в литературе раскрыта достаточно широко: программа, выстраиваемая им в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике», ориентировалась на французский нацистроительный опыт — с построением нации, опирающейся на культуру и язык как первичный фактор принадлежности к ней (Тесля, 2019: 228). Славянофильский же проект основывался на религии как критерии идентичности, но при этом функционировал в конструктивистском формате, создавая возможность как кооптации, так и исключения — следствием чего и была поддержка аксаковским «Днем» политики «обращения» в западных губерниях (Западные окраины..., 2007: 227–236; Тесля, 2021: 210–211).

Следовательно — отречение от иудейских верований есть единственное условие для того, чтобы Еврей стал Русским, и выражение Русский (не подданный, а просто Русский) Моисеева закона также бессмысленно, как выражение: Русский Еврейской национальности, то есть человек Русской национальности — Еврейской национальности! (Аксаков и Аксаков, 2010: 543)

Из этого и следовало то, что И. С. Аксаков склонялся к положительному решению вопроса о польской независимости: принципиальнее был

вопрос о границе русской и польской воображаемых общностей. Против польской независимости выступал Самарин, обосновывая это в логике «листианского национализма» (Хобсбаум, Васильев, 1998: 51–52), описывая этнографическую Польшу как политическое образование, по своему существу склоняющееся к «вассальным отношениям» и оттого неизбежно враждебное по отношению к России (Самарин, 2013: 438).

НАРОДНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

В 1880 г. И. С. Аксаков заводит новое «предприятие» — газету «Русь». Уже ставшая привычной для него «должность» славянофильского душеприказчика, разумеется, повлияла и на характер нового издания — и в передовицах, и в письмах Аксакова часто выдвигалась емкая формула издания: «Самоуправляющаяся Земля с самодержавным царем» (см. Тесля, 2015: 572–573), что отсылало к построениям брата, К. С. Аксакова, соотносению народа и правительства. Однако важно, что новая газета не стала — в отличие от прежних изданий — общей славянофильской трибуной: Кошелев предпочел открыть собственную газету, «Земство». Долгая земская деятельность Кошелева в Рязанской губернии и деятельность Ивана Аксакова в славянских комитетах, их многолетний интерес к разным вопросам и разным задачам постепенно привели к расхождению их взглядов. Кошелев писал об Аксакове:

...он упрекал меня в отступничестве от славянофильства и в том, что я поддался влиянию моих приятелей-либералов; я же обвинял его в утрате того животворного духа, которым особенно отличался и был так велик Хомяков (А. И. Кошелев, 2002: 165).

Это расхождение привело к созданию двумя бывшими соратниками двух разных проектов политического представительства: аксаковско-Земского собора и кошелевской Земской думы. Используя другое название для своего проекта, Кошелев отмежевывался не только от своего соратника, но одновременно и от всего дискурса о Земском соборе 1860–1870-х гг.: в конце концов, понятие «Земского собора» для описания проекта политического представительства использовали не только славянофилы, но и, например, М. А. Бакунин и Н. П. Огарёв (Бадалян, 2018).

Кошелевский проект отличался от проекта Аксакова в первую очередь степенью своей проработки: определяется число палат, полномочия Думы и круг ее вопросов, право законодательной инициативы, дается набросок системы внутреннего делопроизводства — отмечается даже

то, что оно должно вестись только на русском языке. Принципиально важным для Кошелева было именно губернское представительство, основанное на имеющемся институте земства; аксаковский Земский собор основывался, напротив, на уездном представительстве как исторической, «традиционной» форме. Но ключевое расхождение скрывалось совсем в другом — в совершенно разном взгляде на вопрос народного суверенитета. Совершеннейшая форма правления для Кошелева — республика (А. И. Кошелев, 2010: 376), и лишь признавая, подобно Монтескьё, невозможность универсального ее применения, он обращается к идее Думы. Иван Аксаков же, предельно сокращая пространство политического, все же оставляет за государством наиболее важное — суверенитет, отчего и народный суверенитет для него недопустим:

Никогда самое необузданное самодержавие не может совершить такого нравственного зла, какое совершает самодержавие народное, то есть народ, являющийся уже не как народ, а как царь и самодержец (Тесля, 2015: 320).

И. С. Аксаков, возводя свой проект к построениям брата, фактически воспроизводит славянофильское понимание «цельной личности», ограниченной и связанной «общиной»: автономный субъект становится недопустимым, отчего недопустимо и проникновение этого субъекта в пространство политического.

Иван Аксаков попытается реализовать Земский собор вместе с Николаем Игнатьевым (Зайончковский, 1964: 379–473), при этом фактически закрыв окно возможностей и для Кошелева. Будущее, впрочем, оказалось чуть благосклоннее к Кошелеву: царская Дума перекликалась с кошелевской не только названием, но и принципом губернского представительства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Истоки столь разных и противоречивых оценок и характеристик славянофильства — как либералов (Цимбаев, 2007) или как консерваторов (Валицкий, Душенко, 2019) — в изначальной славянофильской эклектичности, языковой полифонии. Несмотря на наличие вполне определенного, собственного политического языка, славянофилы порой обращались к иным политическим языкам — в первую очередь с целью воздействия на разные аудитории. Тем не менее нам видятся следующие характеристики славянофильской категории «народа», доминирующий пласт.

- (1) Народ славянофилами мыслится эссенциально, как совокупность определенных внутренних и внешних неизменных характеристик. Ключевыми такими характеристиками являются заложенная в нем идея «общины» и аполитичность, неразрывно связанная с монархизмом.
- (2) Эта же эссенциальность связана с пониманием народа прежде всего как «простого народа»: отсюда следует рефлексия на тему возможного с ним соединения, которое могло реализовываться различными путями — как и чисто внешними способами (случай К. С. Аксакова и национального платья), так и путем конструктивистским, путем «восстановления традиции» (деятельность в Редакционных комиссиях и юридическое закрепление поземельной общины, проекты Земского собора).
- (3) Конструктивистский момент в понимании «народа» выдвигается вместе с идейной переориентацией славянофилов, с их поворотом к практике в 1860-е гг.: описывается возможность как «обрусения», так и потери русской идентичности, в первую очередь через религиозный компонент. Именно это, например, объясняет непонимание К. С. Аксаковым славянофильских работ по крестьянской реформе: для него было непонятно превращение эссенциального содержания «народа» в конструктивистское.
- (4) Наконец, понимание народа как «аполитичного» делало для славянофилов невозможным разговор о политическом суверенитете. Возможно, этим можно объяснить и слабую дифференциацию народа и нации, национального у славянофилов: понимая (и конструируя) «нацию без нации», они не испытывали особой нужды в такой демаркации. Единственным, кому удалось до конца «проговорить» подобную концепцию, оказался Кошелев — что стало знаком его расхождения с «последним из „отцов“», И. С. Аксаковым.

Славянофилы, как одно из последних интеллектуальных объединений русской мысли, сформированных прежде всего на основе личной, семейной или дружеской близости, со своих истоков тяготели к полифонии и эклектичности, во многом потому, что внутренние идейные разногласия не приводили к разрыву, обрубанию связей. Это, на наш взгляд, может объяснить и недоумение Кошелева по поводу его разрыва с Иваном Аксаковым, даже если вынести за скобки вопрос о том, насколько корректно определять их как славянофилов в столь поздние годы. «Животворный дух Хомякова», дух первой славянофильской работы,

«О старом и новом», построенной по принципу многоголосия, диалогического рассуждения — дух поиска синтеза по ту сторону языка понятий, — был, с точки зрения Кошелева, терпим к его идейной трансформации, следствию рефлексии над многолетней земской деятельностью.

СОКРАЩЕНИЯ

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Источники

Рукописные источники

Аксаков К. С. Письма к Аксакову И. С. // ОР РГБ. — 1839–1847. — Ф. 003. — Разд. II. — К. 3. — Д. 1-а. — 37 л.

Аксаков К. С. «О воспитании» — статья // ОР РГБ. — 1850–1860. — Ф. 327. — Разд. 2. — К. 19. — Д. 2. — 18 л.

Самарин Ю. Ф. Адрес московского дворянства Александру II по случаю вступления на престол // ОР РГБ. — 1855. — Ф. 231. — Разд. IV. — К. 8. — Д. 15. — 2 л.

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России / под ред. В. Н. Грекова. — М. : РОССПЭН, 2002.

Аксаков К. С. Письмо к Н. Н. // Замечания на новое административное устройство крестьян в России. — Лейпциг : Ф. Вагнер, 1861. — С. 7–16.

Аксаков К. С. Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 1. Сочинения исторические / под ред. И. С. Аксакова. — М. : Университетская типография, 1889.

Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / сост. В. А. Кошелева. — М. : Искусство, 1995.

Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды / сост. А. А. Ширинянца. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Аксакова В. С. Дневники. Письма / сост. Т. Ф. Пирожковой. — СПб. : Пушкинский дом, 2013.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / под ред. С. П. Баньковской ; пер. с англ. С. П. Николаева. — М. : Кучково поле, 2016.

Бадалян Д. А. Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2006. — С. 108–122.

Бадалян Д. А. Цикл статей И. С. Аксакова об обществе : история цензуры и неопубликованные страницы // Третьи Аксаковские чтения : материалы

- межвузовской научной конференции, посвященной 220-летию со дня рождения С. Т. Аксакова / под ред. Л. А. Сапченко. — Ульяновск : Качалин Александр Витальевич, 2011. — С. 103–113.
- Бадалаян Д. А.* Понятие «Земский собор» и представления о власти в России XIX века : от Карамзина до Степняка-Кравчинского // Тетради по консерватизму. — 2018. — № 4. — С. 140–155.
- Валицкий А.* В кругу консервативной утопии : структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с пол. К. Душенко. — М. : Новое литературное обозрение, 2019.
- Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. с англ. И. И. Крупника. — М. : Прогресс, 1991.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 9. Былое и думы. 1852–1868. Часть IV. — М. : Издательство АН СССР, 1956.
- Дмитриев А. П.* Россия перед угрозой революции : неопубликованное письмо К. С. Аксакова к Николаю I от 28 марта 1848 г. (краткая и пространная редакции) // Литературоведческий журнал. — 2022. — № 1. — С. 211–239.
- Дудзинская Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе. — М. : Мысль, 1983.
- Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. — М. : Московский университет, 1964.
- Западные окраины Российской империи / под ред. М. Д. Долбилова, А. И. Миллера. — М. : Новое литературное обозрение, 2007.
- Кошелев А. И.* Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883) / под ред. Т. Ф. Пирожковой. — М. : Наука, 2002.
- Кошелев А. И.* Избранные труды / сост. П. В. Акульшина, В. А. Горнова. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Кошелев В. А.* Славянофилы и официальная народность // Славянофильство и современность. — СПб. : Наука, 1994. — С. 122–135.
- Мазур Н. Н.* Дело о бороде // Новое литературное обозрение. — 1993. — № 6. — С. 127–138.
- Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. — М. : Новое литературное обозрение, 2010.
- Нольде Б. Э.* Юрий Самарин и его время / под ред. С. М. Сергеева. — М. : Эксмо, 2003.
- «Русская беседа»: история славянофильского журнала : Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского, О. Л. Фетисенко. — СПб. : Пушкинский Дом, 2011.
- Самарин Ю. Ф.* Сочинения. В 12 т. Т. 12. Письма : 1840–1853. — М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1911.
- Самарин Ю. Ф.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Литература и история / под ред. А. Н. Николокина. — СПб. : Росток, 2013.
- Самарин Ю. Ф.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 3. Русское самосознание / под ред. А. Н. Николокина. — СПб. : Росток, 2016.

- Танъшина Н. П. Антирусские настроения во Франции в годы Июльской монархии (1830–1848) // Новая и новейшая история. — 2017. — № 4. — С. 91–108.
- Тесля А. А. «Последний из „отцов“»: биография Ивана Аксакова. — СПб. : Владимир Даль, 2015.
- Тесля А. А. Деполизитизация как политическое действие (к истории эволюции политических взглядов П. А. Кулиша 1840–1850-х годов) // Общественные науки и современность. — 2016. — № 4. — С. 120–133.
- Тесля А. А. «Истинно русские люди» : история русского национализма. — М. : РИПОЛ классик, 2019.
- Тесля А. А. Славянофилы и «польский вопрос» в 1840 – 1-й пол. 1860-х годов // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 191–216.
- Тесля А. А. Восемь лекций о славянофильстве : интеллектуальная история. — М. : Свято-Филаретовский институт, 2024.
- Уваров С. С. Государственные основы / сост. В. Б. Трофимовой. — М. : Институт русской цивилизации, 2014.
- Уортман Р. Символы империи : экзотические народы в церемонии коронации российских императоров // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. В. Герасимова [и др.]. — Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. — С. 409–426. — Библиотека журнала «Ab Imperio».
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. А. Васильева. — СПб. : Алетейя, 1998.
- Хомяков А. С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. Т. 1. — М. : Университетская типография на Страстном бульваре, 1900.
- Хомяковский сборник. Т. 1 / под ред. Н. В. Серебrenникова, Е. Е. Давыдова, Б. Ф. Егорова, В. А. Кошелева. — Томск : Водолей, 1998.
- Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации : процесс строительства наций в Европе / пер. с англ. Л. Е. Переяславцевой, М. Б. Гнедовского // Нации и национализм : сборник статей / пер. с англ., с нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. — М. : Праксис, 2002. — С. 121–145.
- Цимбаев Н. И. Историософия на развалинах империи. — М. : Международный университет в Москве, 2007.
- Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 т. Т. 1 / под ред. З. А. Каменского. — М. : Наука, 1991. — С. 523–538.
- Шпагин С. А. Дело «О славянофилах и о магистре Московского университета Никольском» (публ. и комм. С. А. Шпагина) // Хмелитский сборник. А. С. Хомяков : личность — творчество — наследие. — Смоленск : б.и., 2004. — С. 139–179.

Romanenko, A. A. 2025. "Ponyatiye 'narod' u slavyanofilov (1840–1880-ye gg.) [Concept of 'People' ('Narod') Among the Slavophiles (1840–1880s)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 9 (2), 71–95.

ARSENIY ROMANENKO

BA STUDENT

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0009-0002-2273-9781

CONCEPT OF "PEOPLE" ("NAROD") AMONG THE SLAVOPHILES (1840–1880S)

Submitted: Oct. 14, 2024. Reviewed: May 20, 2025. Accepted: June 07, 2025.

Abstract: The article provides an attempt to analyze the Slavophile understanding of the "people" ("Narod") — one of the key themes of the Slavophile teaching and one of the most important concepts of their political doctrine. We consider Slavophilism in the "narrow" sense of the word, as an ideological association of A. S. Khomyakov, I. V. Kireevsky, Yu. F. Samarin, K. S. Aksakov, I. S. Aksakov, A. I. Koshelev and others, formed in the early 1840s: we bring the analysis to the early 1880s, the end of the public activity of I. S. Aksakov and A. I. Koshelev. The article demonstrates the main Slavophile discourses on the people and nationality and the different ways in which the Slavophiles "imagined" the people in their development: the use by the Slavophiles of the political language of the Pogodin's interpretation of "official nationality", romantic nationalism, the ethnographic and visual image of the people, the transformation and refraction of these languages depending on the audience and the purpose of the statement. Particular attention is paid to individual episodes of differentiation by the Slavophiles of the concepts of "narod/narodnost", and the "nation", and their appeal to the concept of "popular sovereignty", primarily in the context of the divergence of two Slavophile projects of political representation, a divergence that arose from different understandings of the "people" and its political space.

Keywords: History of Concepts, Slavophilism, People, Nationality, Nationalism.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-71-95.

REFERENCES

- Aksakov, I. S. 2002. *Otchego tak nelegko zhiyet-sya v Rossii* [Why is Life so Difficult in Russia] [in Russian]. Ed. by V. N. Grekov. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- Aksakov, K. S. 1839–1847. "Pis'ma k Aksakovu I. S. [Letters to Aksakov I. S.]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. 003. II. 3/1-a. 37.
- . 1850–1860. "'O vospitanii' — stat'ya ['On Education' — Article]" [in Russian]. In *OR RGB [Manuscript Section of the Russian State Library]*. 327. 2. 19/2. 18.
- . 1861. "Pis'mo k N. N. [Letter to N. N.]" [in Russian]. In *Zamechaniya na novoye administrativnoye ustroystvo krest'yan v Rossii* [Comments on the New Administrative Structure of Peasants in Russia], 7–16. Leyptsig: F. Vagner [F. Wagner].
- . 1889. *Sochineniya istoricheskkiye* [Historical Works] [in Russian]. Vol. 1 of *Polnoye sobraniye sochineniy Konstantina Sergeyevicha Aksakova*, ed. by I. S. Aksakov. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya tipografiya [University Printing House].
- . 1995. *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and Literary Criticism] [in Russian]. Comp. V. A. Koshelev. Moskva [Moscow]: Iskuststvo.

- Aksakov, K. S., and I. S. Aksakov. 2010. *Izbrannyye trudy [Selected Works]* [in Russian]. Comp. A. A. Shirinyants. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- Aksakova, V. S. 2013. *Dnevniki. Pis'ma [Diaries. Letters]* [in Russian]. Comp. T. F. Pirozhkova. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Pushkinskiy dom [The Pushkin House].
- Anderson, B. 2016. *Voobrazhayemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]* [in Russian]. Ed. by S. P. Ban'kovskaya. Trans. from the English by S. P. Nikolayev. Moskva [Moscow]: Kuchkovo pole.
- Badalyan, D. A. 2006. "Ponyatiye 'narodnost' v russkoy kul'ture XIX veka [The Concept of 'Narodnost' in XIX-century Russian Culture]" [in Russian]. In *Istoricheskiye ponyatiya i politicheskkiye idei v Rossii XVI–XX veka [Historical Concepts and Political Ideas in Russia: Sixteenth to Twentieth Centuries]*, 108–122. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge / Aleteyya.
- . 2011. "Tsikl statey I. S. Aksakova ob obshchestve [A Series of Articles by I. S. Aksakov on Society]: istoriya tsenzury i neopublikovannyye stranitsy [The History of Censorship and Unpublished Pages]" [in Russian]. In *Tret'ya Aksakovskiy chteniya [The Third Aksakov Readings]: materialy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 220-letiyu so dnya rozhdeniya S. T. Aksakova [Proceedings of the Interuniversity Scientific Conference, Dedicated to the 220th Anniversary of the Birth of S. T. Aksakov]*, ed. by L. A. Sapchenko, 103–113. Ul'yankovsk: Kachalin Aleksandr Vital'yevich.
- . 2018. "Ponyatiye 'Zemskiy sobor' i predstavleniya o vlasti v Rossii XIX veka [The Concept of the 'Zemsky Sobor' and Ideas about Power in Russia in the 19th century]: ot Karamzina do Stepanyaka-Kravchinskogo [From Karamzin to Stepanyak-Kravchinsky]" [in Russian]. *Tetradi po konservativizmu [Essays on Conservatism]*, no. 4, 140–155.
- Chaadayev, P. Ya. 1991. "Apologiya sumasshedshego [Apology of a Madman]" [in Russian]. In vol. 1 of *Polnoye sobraniye sochineniy i izbrannyye pis'ma [Complete Works and Selected Letters]*, ed. by Z. A. Kamenskiy, 523–538. 2 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Dmitriyev, A. P. 2022. "Rossiya perez ugrozu revolyutsii [Russia Facing the Threat of Revolution]: neopublikovannoye pis'mo K. S. Aksakova k Nikolayu I ot 28 marta 1848 g. (kratkaya i prostrannaya redaktsii) [Unpublished Letter of K. S. Aksakov to Nicholas I of March 28, 1848 (Short and Long Versions)]" [in Russian]. *Literaturovedcheskiy zhurnal [Literature Studies Journal]*, no. 1, 211–239.
- Dolbilov, M. D., and A. I. Miller, eds. 2007. *Zapadnyye okrainy Rossiyskoy imperii [Western Outskirts of the Russian Empire]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Dudzinskaya, Ye. A. 1983. *Slavyanofily v obshchestvennoy bor'be [Slavophiles in the Social Struggle]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Gellner, E. 1991. *Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism]* [in Russian]. Trans. from the English by I. I. Krupnik. Moskva [Moscow]: Progress.
- Gertsen, A. I. 1956. *Byloye i dumy. 1852–1868. Chast' IV [My Past and Thoughts. 1852–1868. Part IV]* [in Russian]. Vol. 9 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Hobsbawm, E. 1998. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda [Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality]* [in Russian]. Trans. from the English by A. A. Vasil'yev. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Hoch, M. 2002. "Ot natsional'nykh dvizheniy k polnost'yu sformirovavsheysya natsii [From National Movement to the Fully-formed Nation]: protsess stroitel'stva natsiy v Yevrope [The Nationbuilding Process in Europe]" [in Russian]. In *Natsii i natsionalizm [Mapping*

- the Nation*] : *sbornik statey* [Collection of Articles], trans. from the English by L. Ye. Pereyaslavtseva and M. B. Gnedovskoy, 121–145. Moskva [Moscow]: Praksis.
- Khomyakov, A. S. 1900. *Polnoye sobraniye sochineniy Aleksey Stepanovicha Khomyakova* [Complete Works of Alexey Stepanovich Khomyakov] [in Russian]. Vol. 1. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya tipografiya na Strastnom bul'vare [University Printing House on Strastnoy Boulevard].
- Koshelev, A. I. 2002. *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883)* [Notes by Alexander Ivanovich Koshelev (1812–1883)] [in Russian]. Ed. by T. F. Pirozhkova. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 2010. *Izbrannyye trudy* [Selected Works] [in Russian]. Comp. P. V. Akul'shin and V. A. Gornov. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- Koshelev, V. A. 1994. "Slavyanofily i ofitsial'naya narodnost' [Slavophiles and Official Nationality]" [in Russian]. In *Slavyanofil'stvo i sovremennost'* [Slavophiles and Modernity], 122–135. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Mazur, N. N. 1993. "Delo o borode [The Beard Case]" [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Observer], no. 6, 127–138.
- Miller, A. I. 2010. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm* [The Romanov Empire and Nationalism] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Nol'de, B. E. 2003. *Yuriy Samarin i yego vremya* [Yuri Samarin and His Time] [in Russian]. Ed. by S. M. Sergeyev. Moskva [Moscow]: Eksmo.
- Samarin, Yu. F. 1855. "Adres moskovskogo dvoryanstva Aleksandru II po sluchayu vstupleniya na prestol [Address of the Moscow Nobility to Alexander II on the Occasion of His Accession to the Throne]" [in Russian]. In *OR RGB* [Manuscript Section of the Russian State Library]. 231. IV. 8/15. 2.
- . 1911. *Pis'ma [Letters]: 1840–1853* [1840–1853] [in Russian]. Vol. 12 of *Sochineniya* [Works]. 12 vols. Moskva [Moscow]: Tip. A. I. Mamontova.
- . 2013. *Literatura i istoriya* [Literature and History] [in Russian]. Vol. 1 of *Sobraniye sochineniy* [Collection of Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 5 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Rostok.
- . 2016. *Russkoye samosoznaniye* [Russian Consciousness] [in Russian]. Vol. 3 of *Sobraniye sochineniy* [Collection of Works], ed. by A. N. Nikolyukin. 5 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Rostok.
- Serebrennikov, N. V., et al., eds. 1998. *Khomyakovskiy sbornik* [Khomyakov Collection] [in Russian]. Vol. 1. Tomsk: Vodoley.
- Shpagin, S. A. 2004. "Delo 'O slavyanofilakh i o magistre Moskovskogo universiteta Nikol'skom' (publ. i komm. S. A. Shpagina) [The Case 'On the Slavophiles and the Master of Moscow University Nikolsky' (Publication and Commentary by S. A. Shpagin)]" [in Russian]. In *A. S. Khomyakov* [A. S. Khomyakov] : *lichnost' – tvorchestvo – nasledkiye* [Personality – Creativity – Legacy], in *Khmelit'skiy sbornik* [Khmelita Collection], 139–179. Smolensk: b.i.
- Tan'shina, N. P. 2017. "Antirossiyskiye nastroyeniya vo Frantsii v gody Iyul'skoy monarkhii (1830–1848) [Anti-Russian Sentiments in France under the July Monarchy (1830–1848)]" [in Russian]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary history], no. 4, 91–108.
- Teslya, A. A. 2015. "Posledniy iz 'ottsov'": *biografiya Ivana Aksakova* [The Last of the "Fathers": Ivan Aksakov's Biography] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.

- . 2016. “Depolitizatsiya kak politicheskoye deystviye (k istorii evolyutsii politicheskikh vzglyadov P. A. Kulisha 1840–1850-kh godov) [Depoliticization as a Political Action (On the History of the Evolution of Political Views of P. A. Kulish in the 1840s–1850s)]” [in Russian]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], no. 4, 120–133.
- . 2019. *“Istinno russkiye lyudi” [“Truly Russian People”]: istoriya russkogo natsionalizma [The History of Russian Nationalism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: RIPOL klassik.
- . 2021. “Slavyanofily i ‘pol'skiy vopros’ v 1840 – 1-y pol. 1860-kh godov [Slavophiles and the ‘Polish Question’ in the 1840s – First Half of the 1860s]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher school of Economics] 5 (3): 191–216.
- . 2024. *Vosem' lektsiy o slavyanofil'stve [Eight Lectures on Slavophilism]: intellektual'naya istoriya [An Intellectual History]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Svyato-Filaretovskiy institut [St. Philaret's Institute Publishing House].
- Tsimbayev, N. I. 2007. *Istoriософия на razvalinakh imperii [Historiosophy on the Ruins of an Empire]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mezhdunarodnyy universitet v Moskve [Moscow International University Printing House].
- Uvarov, S. S. 2014. *Gosudarstvennyye osnovy [State Fundamentals]* [in Russian]. Comp. V. B. Trofimova. Moskva [Moscow]: Institut russkoy tsivilizatsii [Institute of Russian Civilization Publishing House].
- Walicki, A. 2019. *V krugu konservativnoy utopii [In the Circle of a Conservative Utopia]: struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva [Structure and Metamorphoses of Russian Slavophilism]* [in Russian]. Trans. from the Polish by K. Dushenko. M.: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Wortman, R. 2004. “Simvol'y imperii [Symbols of Empire]: ekzoticheskiye narody v tseremonii koronatsii rossiyskikh imperatorov [Exotic Peoples in the Coronation Ceremony of Russian Emperors]” [in Russian]. In *Novaya imperskaya istoriya post-sovet-skogo prostranstva [The New Imperial History of the Post-Soviet Space]*, ed. by I. V. Gerasimov et al., 409–426. Kazan': Tsentr issledovaniy natsionalizma i imperii.
- Yegorov, B. F., A. M. Pentkovskiy, and O. L. Fetisenko, eds. 2011. *“Russkaya beseda”: istoriya slavyanofil'skogo zhurnala [“The Russian Talk”: The History of the Slavophile Journal]: Issledovaniya. Materialy. Postateynaya rospis' [Research. Materials. Article-by-article Listing]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Pushkinskiy Dom [The Pushkin House].
- Zayonchkovskiy, P. A. 1964. *Krizis samoderzhaviya na rubezhe 1870–1880-kh godov [Crisis of Autocracy (“Samoderzhavie”) at the Turn of 1870–1880s]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Moskovskiy universitet [Moscow University Press].